в). Идеология освоения пространства как оригинальная основа и модели развития России в Евразии

По мнению 71% опрошенных россиян, Россия принадлежит особой – «евроазиатской», или православной цивилизации, поэтому ей не подходит западный путь развития. Только 13% считают Россию частью западной цивилизации[1]

ВЦИОМ,
2–5 ноября 2001 г.

Было бы разумно больше внимания уделять вопросам долгосрочных институционализированных связей в военно-политической сфере и сфере безопасности[2]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Без политико-идеологического выбора и самоидентификации невозможно разработать оригинальную, свойственную только России стратегию и модель евразийской интеграции. Другой, не оригинальной модели для России в принципе быть не может. Ни опыт Евросоюза, ни любой иной в данном случае не подходит. Если предположить, что в основе евразийской самоидентификации России лежит национальная система ценностей, то и модель ее политического, социального и экономического развития может быть такой же оригинальной, даже уникальной как ее система ценностей и идентичность. Соответственно политико-идеологический выбор может и должен быть сделан в пользу такой оригинальной государственной модели, политической системы и экономики.

Пока что такой выбор не сделан, правящая элита страны пытается приспособить чужие примеры, идеалы и образы под российские реалии. Как правило, из этого ничего не получается.

После 1993 года не сложилось нормальной политической системы потому, что чужую, французскую систему попытались приспособить под конкретного человека – Б. Ельцина, – что выразилось в бесконечные переустройства и изменения правил «формирования» Совета Федерации и выборов депутатов Государственной Думы РФ, реорганизацию Генеральной прокуратуры, Министерства обороны, ФСБ, а, главное, неэффективность судебной власти и институтов гражданского общества.

---

[1] Россия: Западный путь развития для «евроазиатской» цивилизации? / Эл. ресурс: «Евразия» / URL: http://eurasian-defence.ru

[2] *Торкунов А.В.* По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 71.

Ко второму десятилетию второго тысячелетия стало ясно: Россия, перестав быть империей и коммунистическим государством, так и не обрела новую и эффективную для себя форму политического и государственного существования. Не имея такой эффективной формы государства (что особенно ярко подтверждается низкой эффективностью госуправления и коррупцией), Россия не в состоянии пока предложить другим странам ни привлекательного образа, ни модели государственного устройства. В рамках процесса евразийской интеграции это сводится к двустороннему экономическому сотрудничеству. Другие страны не видят в России пример, лидера ни в области идеологии, ни в области государственного устройства.

Причины, как правило, ищут в мировом кризисе, «сорвавшем реализацию Стратегии–2020», неисполнительности чиновников, коррупции, неадекватности оценок и планов. Не видят главного: неолиберальный подход к национальному развитию изначально отрицает как стратегический (идеологический) прогноз, так и стратегическое национальное планирование, которое подменяется макроэкономической оценкой, экстраполяцией только финансовых или социально-экономических процессов.

Российский либерализм, оттесненный от широкой политической жизни из-за его ничтожной общественной поддержки, удержался в системе «финансовых менеджеров» от обороны, безопасности, науки и образования. По сути дела финансово-монетарные власти остались те же, что и в 90-е годы: их не осталось практически в Федеральном Собрании, Администрации, региональных властных структурах, но они цепко держат либеральную финансовую инициативу, саботируя, игнорируя и, как минимум, искажая политическую волю.

«Дело Сердюкова», «Дело Скрынник», сотни других дел не изменили системы, созданной в 90-е годы либералами и во главе либералов, для которых национальные интересы и национальная система ценностей всегда будут вторичными по отношению к американо-европейской. Вот почему даже самые современные и амбициозные программы развития восточных регионов и или перевооруженных сил

будут сталкиваться с саботажем либеральных финансово-монетарных властей.

Это видно, например даже на оценке развед-сообществом США возможных последствий военной реформы и реализации ГОЗ-2020, прозвучавшей в докладе 16 спецслужб Сенату: «Планы РФ по модернизации своей армии американские спецслужбы оценивают скептически. По их оценкам, реализацию программы перевооружения армии, рассчитанной на десять лет, осложняет «развал оборонного комплекса», отсутствие финансирования и бюрократические трудности. Тем не менее, как считают аналитики США, «программы реформирования позволят российской армии быстрее побеждать своих небольших соседей и сохранять доминирующие позиции на постсоветском пространстве», однако «не смогут дать ей возможность вести серьезные наступательные операции против НАТО»[1].

Это уже геополитическая оценка эффективности политики российской власти, которой отводится второстепенная роль в Евразии. Она полностью соответствует тому созданному отечественными либералами политико-идеологическому алгоритму, при котором Россия должна на чужих условиях интегрироваться в западную систему ценностей, растеряв свой суверенитет, территорию и национальную идентичность.

Иначе говоря, по мнению либеральных критиков, масштабные планы российской власти по развитию страны, перевооружению не имеют серьезных геополитических последствий для России, которая в лучшем случае сможет сохранить «доминирующие позиции на постсоветском пространстве». Судя по всему, это мало беспокоит и правящие круги США, у которых в отношении Евразии существуют глобальные планы не только в ее европейской, но и юго-восточной, северо-восточной, центрально-азиатской и ближневосточной частях.

Получается, что смыкаются не только ценностные системы российских либералов и их американских политических и идеологических партнеров, но совпадают и их представления о

---

[1] *Белянинов К.* Россию признали сложной, но не самой страшной // Коммерсант. 2013. 14 марта. С. 7.

национальных интересах России. Примечательно, что если у некоторой части западной (не только американской) элиты есть радикальные представления о будущем России, в частности ее природных ресурсов, территориальной целостности и т.п., то и у радикального крыла российских либералов эти взгляды во многом совпадают. Так, если речь идет о судьбе восточных регионов нашей страны и их природных ресурсов, М. Олбрайт, Х. Клинтон, М. Тэтчер и ряд других крупных политиков полагали, что для России «досталось слишком много природных ресурсов». Но и в России немало сторонников того, чтобы восточные регионы либо «уравнять в правах» с европейскими (что на деле будет означать их дальнейшую деградацию), либо превратить в оффшоры, которые вскоре, как и транснациональные транспортные коридоры, могут лишиться политического суверенитета. Исторические примеры – «опийные войны», КВЖД и т.д. хорошо иллюстрируют эти возможности.

Для сохранения нации и государства правящей элите придется – хочет она того или нет – признать, что единственный способ это сделать – политико-идеологический выбор в пользу сохранения национальной системы ценностей. Более того, превращения их в ядро, вокруг которого могут концентрироваться другие цивилизации от восточно-славянских православных народов до стран Азии.

Надо признать, что российская элита, пусть не вся, но медленно, с опозданием, но пришла к идее необходимости самоидентификации. Президент В. Путин озвучил ее в своем послании Федеральному Собранию в декабре 2012 года: «В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией»[1].

«Быть и оставаться Россией» означает не что иное, как признание уникальности цивилизации, к которой принадлежат народы нашей

[1] *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / URL: http://президент.рф

страны, а значит невозможности ее ассимиляции ни с Западом, ни Востоком, ни кем-то еще.

Можно вместе с тем констатировать, что появление новых глобальных угроз и усиление нестабильности в мире, требующих четкой самоидентификации, не нашло пока что вполне адекватного отражения в восприятии российской элиты. Это отражение выражалось бы в ясной и логичной концепции долгосрочного национального развития и ее политики мире и в Евразии. Существующие концепции, в т.ч. принятая в феврале 2013 года Концепция внешней политики России, не могут пока устранить этот пробел. Это объясняется сосуществованием в российской элите двух противостоящих групп и двух противоречивых подходов – государственнического и либерального, – их борьбой и дискуссией. На практике это означает наличие двух противостоящих идеологий, что проявляется и в проведении двух политических тактик: либерально-монетаристской и государственно-капиталистической. Причем, не только по отношению к социально-экономическому, но и даже внешнеполитическому курсу, которые отчетливо проявляются в евразийской политике. Нерешенные идеологические вопросы становятся серьезным препятствием в политической практике.

Применительно к стратегии евразийской интеграции это справедливо в полной мере, хотя и менее заметно. «На поверхности» обе группы элиты договорились о приоритетах экономической интеграции, «оставив за скобками» тему евразийской внешнеполитической стратегии и военной политики, где, между тем, видна определенная, хотя и не всегда бросающаяся в глаза, позитивная динамика. Складывается впечатление, что в этих областях ведется подспудная, неафишируемая работа, когда «вдруг» появляются смелые решения, как, например, о создании объединенной системы ВКО СНГ.

Важно, однако, отметить не общие тренды российской евразийской политики, которые в целом отражают реалии, а скорость и эффективность такой политики, которая очевидно отстает от динамики процессов, происходящих в Евразии и АТР. Так, например, товарооборот России и КНР в несколько раз меньше, чем между КНР и Тайванем, а между Россией и Вьетнамом вообще скорее символичен, что характеризует

экономические возможности России в Евразии. Это, безусловно, сказывается на ситуации регионально и в рамках которой происходят без участия России мощные сдвиги в расстановке политических и военных сил, требующие быстрой и эффективной – ответной реакции с российской обороны. Россия не только потеряла многие свои позиции в Евразии в 90-е годы, но и продолжает их терять, в то время как происходит очевидное усиление влияния других цивилизаций и государств. То, что в Азербайджане перешли с кириллицы на латиницу еще можно как-то объяснить – Закавказье и Средняя Азия только в XIX веке стали частью восточноевропейской цивилизации во многом искусственно, – но то, что Казахстан, где значительная часть населения продолжает идентифицировать себя с Россией, принимает латиницу, означает, что даже союзник России по Таможенному Союзу стремится ассоциироваться с иной традицией и системой ценностей, что в конечном счете неизбежно приведет к расхождению национальных интересов.

Полагать, что подобные тенденции в политике национальных элит – следствие только внутренних процессов, было бы глубоко ошибочно. Борьба за цивилизационное влияние в Евразии идет по восходящей именно в последние годы. Так, например, визит министра иностранных дел Узбекистана Камилова в США в марте 2013 года показал новые тревожные тенденции, которые, по мнению эксперта А. Володина, выражаются в следующем:

Во-первых, с помощью неожиданного поворота демократизаторской политики США выдают аванс действующему руководству Узбекистана, усаживая его на достаточно короткий поводок. Мол, мы вон даже о соблюдении прав и свобод человека для вас забыли, а вы… Будьте так любезны – ответный реверанс.

Во-вторых, в регионе может быть вбит очередной клин между соседними государствами, ведь если узбекская армия действительно окажется хорошо вооруженной не без помощи натовских «друзей», то это в конечном итоге может привести к тому, что неким политическим силам захочется это военное преимущество в Центральной Азии реализовать.

В-третьих, в Центрально-Азиатском регионе может появиться (или уже появляется) государство, которое видит исключительные приоритеты

в отношениях с США и НАТО, нежели в отношениях со своими соседями[1].

Возникает закономерный вопрос: если происходит усиление внутрицивилизационных противоречий и борьбы, к которой подключаются активно даже мощные не евразийские силы, то какова должна быть стратегия России в Евразии? Пока что мы наблюдаем только активизацию экономической политики нашей страны в Евразии, где элементы противодействия внешнему влиянию, воздействия на неэкономические факторы практически отсутствуют.

Иными словами, если у важнейших геополитических игроков Евразии – США, Китая, Индии, исламских государств – есть долгосрочная геополитическая стратегия, с встроенным в нее идеологическим компонентом, то Россия пока что ограничивается и противопоставляет им только среднесрочную и чисто экономическую стратегию.

Особенно заметно это на главном – идейном – ТВД в Евразии – борьбе за сохранение и продвижения национальной системы ценностей в Евразии, где влияние России стремительно ослабевает. Уже целых два поколения граждан СНГ, родившихся после 1991 года, не говорят по-русски, не знакомы с общей историей России и своих стран. Более того, за исключением Белоруссии, школьные и институтские учебники очень своеобразно, а часто русофобски, трактуют общую историю.

В этой связи важно подчеркнуть принципиальное различие между Стратегией национального развития, частью которой должна быть евразийская стратегия, и концепцией социально-экономического развития, которая сегодня выступает нередко в качестве национальной стратегии. Первая ориентирована на интересы нации и государства в новых международных условиях, когда евразийская интеграция становится важнейшим фактором, а вторая – на некие абстрактные макроэкономические показатели, не имеющие по сути дела отношения ни к политике, ни к перспективам евразийской интеграции, ни даже собственно социальной жизни граждан. Разница – принципиальная.

---

[1] *Володин А.* Узбекистан и США: к чему приведёт большая региональная дружба? / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 14 марта / URL: http://topwar.ru

Особенно, если речь идет о конкретных регионах Сибири, Дальнего Востока и их сотрудничестве со странами АТР, где собственно экономические факторы уступают по своему значению геополитическим и военным.

К сожалению, все последние годы в России только и занимались, что пытались создать именно макроэкономические социально-экономические концепции, и «стратегии», игнорируя реальные национальные потребности, например, создавая «равные условия» для всех регионов.

Отказываясь признавать приоритетность развития восточных регионов страны, финансовые власти в итоге не только привели к их депопуляции и деиндустриализации, но и создали угрозу существованию целого ряда регионов и суверенитету страны на востоке в целом. По сути дело это стало и главной причиной отставания экономических и торговых связей России со странами АТР, серьезно тормозит процессы интеграции в Евразии.

Не произошло, например, переноса акцента в политико-административной деятельности и финансово-экономической активности на восток, за одним исключением – создания маломощного министерства в Хабаровске. Можно было бы не только политическим решением перевести часть чиновничества и бизнеса в Хабаровск и во Владивосток, что существенно снизило бы нагрузку на Москву и Санкт-Петербург, но сознательно развивать новые производства, проводить новую восточную военную политику (оставляя призывников, и, наоборот, передислоцируя на восток воинские части, склады и сервисное обслуживание). Так, строительство нового космодрома «Восточный» можно было бы сделать более масштабным, а Дальневосточного университета – более осмысленным.

Очень важно было бы сознательно и при помощи государственных средств развивать на востоке переработку того производного и минерального сырья, которым богата Сибирь и Дальний Восток.

При этом даже в такой осознанной восточной политике особая роль должна была принадлежать развитию транспортных коридоров и инфраструктуры, особенно железных дорог, портов, аэропортов. Все это делалось в определенных объемах, которые, однако, не отразились на

общей тенденции деградации регионов. Нужны были более масштабные, принципиально иные политические решения. Такие, как в свое время были предприняты на Северо-Западе Петром I, или на востоке Александром III и Николаем II.

Это отразилось в том числе и на реализации собственно экономических задач страны: сверхконцентрация финансовых ресурсов в Москве привела к опустошению восточных регионов, что отчетливо видно на сравнении регионов-доноров и их дотационных областей на востоке. И, наоборот, в Китае, где были обеспечены в эти годы высокие темпы роста, именно «активное внедрение идей национализма» стало «главным оружием» экономической политики в отсталых регионах. Там, по сути дела, сознательно создавались точки промышленного роста – комплексно, системно и масштабно.

Таким образом, чтобы избежать прежней ошибки при создании концепции евразийской интеграции, необходимо изначально понимать, что нужна не очередная концепция (теперь уже евразийская) социально-экономического развития или экономического и торгового сотрудничества, а **стратегия развития евразийской интеграции, в основу которой положены геополитические и военно-политические интересы опережающего развития восточных регионов России.**

Этот общий вывод вполне допустим и к относительно частной концепции евразийской экономической интеграции, которая рассматривает пока что экономическую интеграцию лишь трех государств Евразии – России, Казахстана и Белоруссии – в отрыве от широкого геополитического контекста, хотя присоединение Афганистана и Сербии в качестве наблюдателей к Парламентской Ассамблее уже дает повод по-новому рассмотреть пространственный охват самой идеи евразийской интеграции. В каких-то аспектах эта идея может быть расширена до Кипра, Греции и Вьетнама. Заранее можно сказать, что только частная, ограниченная концепция будет либо малорезультативна (как СНГ), либо окажется вообще нереализованной.

Первым шагом в создании комплексной национальной стратегии России в Евразии должен стать политико-идеологический выбор правящей элиты, смена – прежде всего политическая – приоритетов в

пользу Евразии. Выбор, который должен основываться на национальной системе ценностей и долгосрочных национальных интересах, вытекающих из четкой национальной самоидентификации.

Очень важно в евразийской политике определиться по отношению к конкретным государствам Евразии, представляющим собой три четверти населения планеты с разными цивилизационными, историческими, политическими особенностями, стратегия и евразийская политика не позволяют говорить об универсальном подходе, но требуют все-таки неких принципов, лежащих в основе линии, отличной от принципов глобальной политики.

Перечень этих стран чрезвычайно широк, но именно российская цивилизация дает шанс на развитие интеграционных процессов со всеми странами, не только с государствами, расположенными на материке Евразии, но и государствами, расположенными на островах, причисляемых к Европе или Азии (пример – Япония). Несмотря на огромные политические, экономические и цивилизационные различия, эти страны геополитически и географически, а также экологически и транспортно взаимозависимы. Так, долететь с Кипра до Индокитая, минуя ряд евразийских государств, невозможно. Как и поставка товаров с востока на запад и с запада на восток примерно в 2,5–3 раза дешевле, если использовать Северный морской путь или железнодорожное сообщение. Негативные экологические последствия также прежде всего сказываются на соседних странах, будь то извержение вулкана в Исландии или авария на АЭС в Японии.

Но прежде всего евразийские страны объединяет проблема общей безопасности, которая особенно выпукло видна на примере противоракетной и противовоздушной обороны. Траектории полетов ракет, радиолокационные поля, интегрированность воздушно-космического пространства на высотах от нескольких метров до 100 км стали современной евразийской военно-политической реальностью.

Пока что одна часть Евразии – Западная и Центральная Европа – обладает конкретным военно-политическим механизмом обеспечения безопасности – Североатлантическим Союзом – и соответствующими, военно-техническими средствами. В других частях Евразии существуют

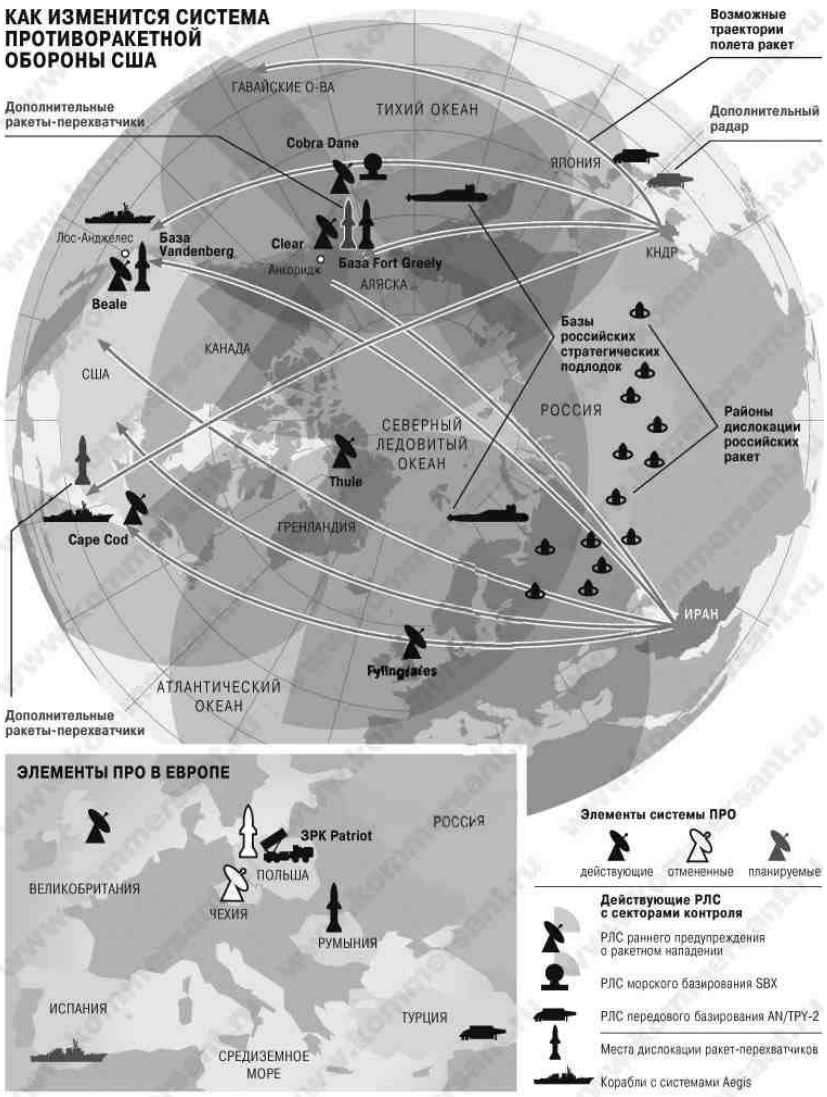
либо прообразы – ОДКБ, ШОС, – либо национальные системы (КНР, Индия), либо двусторонние договоры по обеспечению безопасности, реалистичность которых (как, например, между США и Тайванем) вызывает серьезные сомнения.

Вот почему стратегия евразийской интеграции должна включать в качестве составной своей части идею евразийской безопасности. Это идея должна основываться на некоторых общих и частных принципах. Так, одним из таких общих принципов должен стать принцип «нераздельной безопасности» в Евразии, когда, например, Россия не может и не должна рассматривать ущерб евразийской безопасности в качестве компенсации за возможный выигрыш в области безопасности в отношениях с США или какой-то части Евразии, например, Евросоюзом. Соответственно и идея европейской безопасности не должна быть оторванной от идеи безопасности евразийской. Инициативы России в области европейской безопасности, безуспешно продвигавшиеся Д. Медведевым, должны быть пересмотрены с учетом интересов всех евразийских государств.

Это также означает, что создание универсальной системы безопасности в Евразии (Европе и Азии) не должно идти за счет какого-то одного из субрегионов – Европы или Азии. В практическом плане, например, это означает, что пересмотр планов США по НПРО в пользу усиления ее компонентов в АТР (и в ущерб Азии), который может происходить, не должен находить российской поддержки. О пересмотре таких планов по ПРО глава минобороны США Чак Хейгел объявил в марте 2013 года. В частности, Пентагон намерен перебросить средства, запланированные на программу размещения SM-3 IIB в Польше, на размещение дополнительных ракет-перехватчиков на территории США и разработку новейших видов наземных перехватчиков и новых версий SM-3. Подобная корректировка, с точки зрения евразийской безопасности, наносит, безусловно, ущерб интересам КНР и целого ряда других государств. Прежде всего КНДР, которая не может стать «изгоем» с точки зрения безопасности всей Евразии. Также, впрочем, как Иран, либо любая иная евразийская страна.

Для России пересмотр планов США действительно мало что означает с точки зрения ее ВКО. И в этом смысле еще раз подтверждается

правильность постановки вопроса о системе евразийской безопасности, которая может быть конкретизирована, например, в идею создания евразийской воздушно-космической обороны (ЕвразВКО)[1]. Перехватчики, размещенные на платформах морского базирования в Арктике и на Дальнем Востоке, для России не менее опасны, чем те же перехватчики в Польше и Румынии.



Понятно, что куда более эмоционально на планы Вашингтона отреагировал Пекин. «Такие шаги, как усиление системы ПРО, приведут только к обострению противостояния и не способствуют решению проблемы. Надеемся, что соответствующие государства, исходя из интересов обеспечения мира и стабильности в регионе, займут

[1] См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013.

ответственную позицию и будут осмотрительно действовать в вопросах ПРО»[1], – подчеркнули в китайском МИДе.

Тем самым в очередной раз подтверждается мысль о том, что в Евразии не существует некая безопасность ее отдельных частей. Превращение воздушно-космического пространства на континенте в единый потенциальный ТВД – уже стало реальностью. Но пока что эта реальность еще не стала предметом переговоров. Между тем сам предмет переговоров – ограничение воздушно-космических средств нападения и защиты – очевиден и актуален для всех евразийских государств. Как в Европе, так и Южной или Юго-Восточной Азии. Если беспокойство КНР эксперты назвали обоснованными, то не менее обоснованы беспокойства России, КНДР, Ирана или, например, Кипра, который традиционно подозрительно относится к активности Турции. Это становится общепризнанным фактом. «Когда американцы перемещают с Запада акценты в зону Азиатско-Тихоокеанского региона и защиты своей национальной территории, то, конечно, китайцев это начинает волновать»[2].

Таким образом, становится все более очевидным, что:

– для России необходима не столько экономическая евразийская интеграция, сколько среднесрочная и долгосрочная стратегия евразийской интеграции;

– что эта стратегия пространственно должна охватывать все государства Евразии от Лиссабона до Владивостока;

– что эта стратегия должна предусматривать опережающее развитие восточных регионов России и прежде всего транспортных коридоров и других инфраструктурных изменений;

– что в основе этой стратегии лежат вопросы единой евразийской безопасности, создания политических и военно-технических средств ее обеспечения;

– что в условиях нарастающего противостояния цивилизаций и систем ценностей Россия должна заявить о своей роли и способности обеспечить сотрудничество и взаимодействие этих цивилизаций в Евразии.

---

[1] Вашингтон представил Москве новые данные по вопросу решения проблемы ПРО / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 21 марта / URL: http://eurasian-defence.ru

[2] Там же.

Все эти и другие шаги возможны только при том важном условии, что правящая российская элита сможет сделать осознанный **политический выбор** в пользу евразийской самоидентификации и самостоятельного идеологического лидерства. Это выбор будет означать окончательный разрыв с либерализмом в его прозападническом, примитивном понимании, который нанес такой огромный ущерб народам и экономике России.

Только после политико-идеологического выбора станет возможной появление внятной, а значит и эффективной национальной стратегии развития и, её производной – евразийской стратегии, не ограниченной, пространственно и функционально, только рамками ТС или ЕврАзЭС.

Оставаясь в тисках нынешней парадигмы, российского развития, ее реалий, можно только экстраполировать существующие тенденции, в интеграции. Но либеральная парадигма и модель развития себя очевидно исчерпала. В ее рамках невозможно реализовать интеграционные ожидания народов, безусловно существующих и требующих своего воплощения. Общественная поддержка, как стабильно многие годы показывают опросы ВЦИОМ, этого либерального курса минимальна, что в конечном счете привела в 2010–2013 годы к эволюции. Его большинство отнюдь не либерально, как показывает состав и политика «Единой России». Это, скорее, социально-консервативное большинство, уже порвавшее с либерализмом, но формально еще не меняющее целей идеологии.

Отсюда – противоречивость и непоследовательность, сочетание административных и рыночных механизмов, «откаты» и «забегания вперед» в экономической, внешней и военной политике, боязнь сформулировать оригинальную, национально ориентированную стратегию развития России в Евразии и модель взаимоотношений с европейскими и азиатскими партнерами.

Так, новая военная политика (безусловно, уже не либеральная), ориентированная на восстановление военных возможностей России к 2020 году, подверглась критике со стороны оппонентов за ее «несоответствие возможностям» страны и приоритетам ее развития. По мнению А. Арбатова, например, «…... существующая программа

перевооружения вооруженных сил не соответствует экономическим возможностям России. В настоящее время весь ВВП нашей страны составляет 60 триллионов рублей. Для осуществления намеченной программы, так как на оборону выделяется 4% ВВП, требуется, чтобы ВВП составлял около 150 триллионов. Но это практически недостижимо. По самым оптимистичным прогнозам он может достигнуть к 2020 году только уровня 100 триллионов рублей. Таким образом, получается, что программу перевооружения армии можно осуществить, если увеличить расходы на обороны до 6-7 % ВВП. Но такое увеличение может произойти за счет урезания социальных расходов на образование, медицинское обслуживание и т.д.»[1]

На самом деле либеральная критика военных программ В. Путина – Д. Медведева в 2012–2013 годы основывалась отнюдь не на заботе о программах развития человеческого капитала и сохранении сбалансированности бюджета. И первое, и второе совершенно не волновало либералов в 90-е годы: расходы на образование, науку здравоохранение стремительно (в десятки раз!) сокращались, а бюджет был дефицитным. Либералов взволновало именно то, что суверенитет России получал реальное военно-техническое обеспечение, а вместе с этим и получал толчок процесс национальной самоидентификации и реальной оценки национальной системы ценностей.

Не случайно критика военной политики в 2012–2013 годы шла параллельно с критикой политики евразийской интеграции. И первое, и второе неизбежно девальвировало западно-либеральные идеи и стратегии развития, показывали, что созданная прежде, в 90-е годы, модель государственного и общественного устройства неэффективна и должна быть, наконец, заменена на новую, оригинальную модель, где Евразии отводится важнейшая роль.

Это означает, что в 2013 году российская элита и общество вплотную встали перед серьезным мировоззренческим и идеологическим кризисом: прежняя либеральная модель себя не оправдала, а люди, ее представлявшие – от А. Чубайса и А. Сердюкова до Е. Скрынник себя

[1] *Перенджиев А.* Проведение военной реформы в России: есть ли надежда на успех? / Эл. ресурс: «Центр военно-политических исследований». 2013. 13 марта / URL: http://eurasian-defence.ru

полностью дискредитировали. Новая модель (которую попытались выразить в «Единой России» три ее идеологических клуба) – еще не выкристаллизовалась.

В практическом плане мы в 2013 году находимся перед лицом двух крупнейших проблем, решение которых взаимосвязано органически и которые предстоит в кратчайшие сроки решить политической и интеллектуальной элите России. Их противоречие отчетливо проявилось в требовании В. Путина ускорить темпы роста экономики, с одной стороны, и нежелания правящей либеральной финансово-экономической элиты перейти на новые средства управления, – с другой. В. Путину необходимо либо сменить либеральную модель и отодвинуть от власти либералов, либо столкнуться со стагнацией и непониманием.

Во-первых, предстоит найти для России прежде всего эффективную стратегию национального развития и евразийской интеграции, учитывающую потребности восточных регионов страны, такую новую политико-идеологическую модель, которая была бы способна привести к замене неудачной социально-экономической модели либерализма, доминировавшей в сознании элиты последние десятилетия. Эта модель может быть только нелиберальной, оригинальной, российской. И она потребует решительного отказа от прежних представлений.

До тех пор пока мы не избавимся от радикально-либеральных представлений и установок конкретных либералов, управляющих финансово-экономической жизнью страны, мы не сможем перейти к реализации приоритетов развития НЧП и решению геополитических задач. Мы по-прежнему будем эксплуатировать сырьевую модель, рушить обрабатывающую промышленность восточных регионов и фактически способствовать их депопуляции. Стоит напомнить, что восточные районы развивались либо в эпоху царизма, либо при Советской власти. И в первом, и во втором случае реализовывались нелиберальные модели и нелибералами – С. Витте, П. Столыпин, И. Сталин, А. Косыгин – именно благодаря им развитие восточных регионов получило толчок, а идеология «освоения пространства»и опережающего развития стала господствующей стратегией.

И наоборот. Либералы и либеральная интеллигенция всегда выступали против освоения Сибири и Дальнего Востока, и евразийской интеграции, в том числе и потому, что были против сильного централизованного государства, с помощью которого этого только и можно было добиться. Хотим мы того или нет, но рыночно-либеральная евразийская стратегия просто не существует, а реализуемая либеральная политика в восточных регионах неизбежно ведет к их отпаду и переходу под контроль других государств. Либералы, особенно в начале 90-х годов, доказали, что готовы идти на любые территориальные уступки ради «либеральной мечты». Так, как в свое время шел на это бывший Генсек М. Горбачев, бывший заместитель министра иностранных дел Г. Кунадзе и др. Именно поэтому либералы считали «проклятьем страны» тот самый союз национализма с самодержавием, который и сегодня считается «величайшей преградой и на пути к свободе России»[1].

Опережающее развитие страны не может быть без еще более опережающего развития ее восточных регионов и создания полноценных транспортных коридоров, соединяющих не только Европу и Азию, но прежде всего внутренние рынки страны. Это и есть новая стратегия опережающего развития и новая национальная идея.

Во-вторых, необходимо создать **собственную привлекательную модель евразийской интеграции**, которая была бы ориентирована на российское лидерство и альтернативна американской и китайской, с одной стороны, и привлекательной для евразийских государств (включая страны Евросоюза, Средней и Центральной, а также Юго-Восточной Азии), с другой.

И здесь – хотим мы того или нет – нам придется заняться идеологией, где геополитика будет играть существенную роль. Необходимо, прежде всего идеологически, создать альтернативу американской геополитической модели, которая была актуализирована в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска». В ней, – как справедливо считает В. Мотяшов, – «… изложена программа удержания под американским контролем после холодной воины крупнейших центров силы в приморье Евразии – Китая, Ирана, Турции, стран — лидеров Евросоюза. Причем добиваться этого

[1] *Никонов В.А.* Крушение России. М.: АСТ: 2011. Апрель. С. 301.

предлагается, поощряя рост их влияния на постсоветских территориях при продолжающемся ослаблении России»[2].

Наша альтернативная модель евразийской интеграции должна быть и новой моделью государства. Необходимо предложить и Европе и Азии идею нового союза с центром в России, куда могли бы в интересах безопасности и экономического благополучия войти на равных условиях любые евразийские государства. Не только бывшие советские республики, но и страны Европы, прежде всего цивилизационно близкие, страны Средиземноморья, Центральной, Северной и Юго-Восточной Азии. Этот новый союз взял бы на себя вполне конкретные политические, военные и экономические обязательства в условиях роста новых угроз миру и неготовности государств и международных организаций обеспечить безопасность и необходимый уровень сотрудничества.

Понятно, что скорость движения в создании этого союза будет очень разной. Но, во-первых, он политически и экономически будет открыт для всех стран, а, во-вторых, вокруг такого союза уже будет существовать ядро – ТС – и система, гарантирующая его безопасность – ОДКБ.

[2] *Мотяшов В.* Газ и геополитика: шанс России. М.: Книга и бизнес, 2011. С. 13.